УДК 130.2

СУБСТРАТ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ДИНАМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

© 2008 г.

И.В. Комадорова

Камская государственная инженерно-экономическая академия

Irina-komadorova@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.11.2008

Выявляются особенности культурного развития полиэтнического общества. В современных условиях усиливается конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями. В качестве субстрата культуры в условиях полиэтничности автор статьи выделяет не только социум или этнос в целом, но и отдельные организации (деловая культура) и профессиональные сообщества (профессиональная культура). Рассматриваемая проблема сложна и противоречива. Но выявление особенностей культурного развития в условиях полиэтничности может помочь прогнозировать социокультурную динамику.

Ключевые слова: этнос, нация, полиэтническое общество, деловая культура, государство, профессиональная культура, этика.

В современных исследованиях, посвященных проблеме полиэтничности, сложилась ситуация, характеризующаяся преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Это во многом объясняется тем, что лишенные идеологических оснований сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации. Поэтому неудивительно, что у формирующегося нового мирового порядка множество скрытых аспектов, чреватых непредсказуемыми последствиями. Эти последствия накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д. Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли, способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира.

В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных потребностей и желаний. Это самовлюбленный человек, который, как удачно отметил С. Даннелс, является продуктом развития свободы, не корректируемой ответственностью [1, с. 67]. Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности, восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т.е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества. Он осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает ни дисциплины, ни авторитета отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонистическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей, на службу наслаждений. По справедливому замечанию М. Шелера, «образ жизни, ориентированный только на наслаждение, представляет собой явно старческое явление, как в индивидуальной жизни, так и в жизни народов».

Считая упрощенной установку современных исследователей – от марксистов до экзистенциалистов, – согласно которой человек есть существо, живущее в необратимом историческом времени, М. Элиаде утверждал, что человек живет еще и вне исторического времени, а именно, в своей мечте, своем воображении и т.д. Иначе говоря, человек, общество, государство и соответственно межгосударственные отношения и мировое сообщество в целом имеют мировоззренческое измерение. Именно это измерение и определяет содержание господствующей в определенный исторический период парадигмы. Еще Ф. Ницше предупреждал, что XX столетие станет

веком борьбы различных сил за мировое господство, осуществляемой именем философских принципов. Предупреждение Ницше оказалось пророческим с той лишь разницей, что все многообразие и сложность мировоззренческого начала были заменены идеологическим измерением, идеологические принципы взяли верх над философскими.

Современная этика впервые в своей истории столкнулась с проблемами, от решения которых зависит судьба общественных и культурных структур, лежащих в ее основе. Все сложные задачи, стоящие перед современной этикой, можно поделить на две группы: на вопросы этики в узком значении этого слова, а также на вопросы, связанные с борьбой и конкуренцией великих традиций и этических систем.

Решение проблем первого типа зависит от способа, которым западная этика будет вести диалог с другими этическими системами. В целом историю этического диалога можно разделить на три периода: период этноцентризма, период культурного релятивизма и период «умеренного культурного универсализма» [2, с. 137]. Для культурного универсализма характерно утверждение, что нет смысла делить культуры на лучшие и худшие, тем не менее существуют определенные моральные нормы, которые должны быть обязательными для всех людей, независимо от какой бы то ни было культурной или религиозной обусловленности. Следовательно, этот культурный универсализм является этическим универсализмом, тем более что он не утверждает, что все люди во всех культурах признают определенные общие нормы нравственности, но, в свою очередь, постулируют, что такие нормы должны быть признаны всеми. Примером кодификации этих универсальных моральных норм является Декларация прав человека, признающая за каждым человеком право на жизнь, свободу и безопасность, исходя из самой человеческой жизни.

Сегодня необходимо отдавать себе отчет в том, что с точки зрения этики мы уже давно имеем дело с чем-то, что несет в себе признаки глобализации в небольшом локальном масштабе. Эта глобализация идеи ценностей, а не экономики, как принято ныне считать, особенно четко видна в этике, в которой давно борются друг с другом великие этические традиции, причем эта борьба никогда не проходила в мирном существовании, она всегда приобретала форму более или менее открытого конфликта. Понимание глобальных процессов, происходящих в современном мире, необходимо не столько для того, чтобы к этим процессам подключиться, сколько для определения собственных горизонтов, перспектив и страхов. Большинство авторов, поднимающих данную проблему, имеют в виду процессы, происходящие в мировой экономике, но то же самое можно сказать об изменениях, происходящих в нравственности.

Что есть современный полиэнический регион? Регион, где в условиях толерантности сосуществуют различные этносы и культуры? Это идеальное утверждение. Но не надо забывать тот факт, что современная полиэтническая ситуация характеризуется еще и наличием международного бизнеса. Полиэтничность значительно расширяет свои границы. Необходимо констатировать, что проблема взаимодействия различных этносов и культур, влияющая на успех международного бизнеса, базируется на политике и идеологии.

Политика теснейшим образом связана с идеологией. Идеологию можно определить как некий строительный проект или эскиз, на основе которого конструируются структуры и функции власти в том или ином обществе. Все идеологии, независимо от их содержания, касаются проблем авторитета, власти, властных отношений и т.д. Идеология ориентирована на непосредственные политические реалии и действия, на политический процесс и исходит из соображений привлечения наивозможно большей поддержки. Поэтому, естественно, она носит ярко выраженный тенденциозный характер.

Сегодня приходится констатировать тот факт, что не существует фирмы, имеющей международные контакты, которым удалось бы избежать неверных суждений, иллюзий и ошибок при взаимодействии с клиентами и поставщиками. Большая часть публикаций о международном менеджменте изобилует предостережениями о культурных различиях и даже о культуре как таковой, являющихся ужасными причинами гибели корпораций. Так, Холл заявляет, что «культурные различия скорее могут превратить в руины партнерство, чем принести экономическую пользу» [3, с. 154]. Американские специалисты по кросскультурному консалтингу зловеще замечают, что культурные различия могут даже убить деловые отношения.

В свою очередь, вопросы взаимодействия этноса и культур достаточно интересно и продуктивно рассматривались в рамках культурной антропологии, одним из самых

ярких представителей которой является Лесли А. Уайт. С точки зрения этого американского исследователя, динамика культуры напрямую зависит от поведения этносов, от характера их деятельности, результаты которой объективируются в традиции [6, с. 46].

Американский мыслитель отмечает, что к важнейшим «векторам», определяющим культурную реализацию этноса, относятся хозяйственная деятельность, характер социальной организации, особенности духовной жизни. При этом Л. Уайт последовательно выступает против идеалистической трактовки этноса как субстанции, наделенной «душой», «моральностью», «переживанием жизни». В частности, он отмечает, что мораль присуща лишь отдельно взятым людям, составляющим общество, только у них есть этика. Прочие «образования», по Л. Уайту, не обладают моралью. Нациям и народам абсолютно неправомерно приписывается та или иная моральная доминанта. Чаще всего своя нация изображается высокоморальной, нация противостоящая – аморальной. Приписывание нации этического поведения зиждется на двух посылках: 1) на перенесении на нацию мотивов и ценностей, присущих людям; 2) на представлении о том, что в нации выражаются более высокие, благородные и чистые помыслы людей. Но человек и нация – совершенно разные системы, состоящие из разных элементов и по-разному функционирующие. Нации состоят из культурных элементов, институтов, идеологий, орудий и средств производства, – отмечает Л. Уайт. Нации хищны и беспощадны, арена международных отношений представляет собой джунгли, где царят хитрость, вероломство, обман и грубая сила. И все разговоры о «моральности» призваны здесь лишь скрывать подлинные цели [7, с. 89].

Л. Уайт особо отмечает, что стереотип «моральной» оценки любого этноса связан с процессом его символической репрезентации вовне: каждая нация, каждый народ имеет убеждение о собственном благородстве, справедливости, непогрешимости, которые они стараются навязать другим народам и нациям. При жестком навязывании своих представлений другим этносам наблюдается «агрессивная деформация». В этом случае «свое» замещается «чужим». Этнос утрачивает свое культурное ядро, он деформируется и угасает.

Поэтому одной из существенных черт этноса как культурной субсистемы Л. Уайт считает его способность к сплоченности и укреплению системы в целом, способность к мобилизации всех своих ресурсов в определенных ситуациях культурного и цивилизационного давления извне.

Л. Уайт особо отмечает, что в ряду различных этнокультурных систем, являющихся субъектами культурной динамики (племя, род, группа, народ, нация), нация выделяется низким уровнем консолидации и низким уровнем сознания. Ее поведение характеризуется лишь простыми рефлексами и тропизмами. При этом ученый особо отмечает, что по отношению к этнокультурным системам неправомерно употреблять психологические термины («умно», «глупо»), как и этические («хорошо», «плохо»), так как разумное или неразумное поведение свойственно лишь биологическим организмам. Но из-за неразработанности культурологических категорий невольно приходится пользоваться терминологией других наук.

Понятно, почему споры и дискуссии по данному вопросу в наши дни не только не прекратились, но и приобрели новый импульс. Они концентрируются вокруг вопросов о том, что такое национализм и национальная идея, когда они возникли, какую роль (положительную или отрицательную) сыграли в общественно-историческом процессе, какова их роль в современном и грядущем мире, что первично — нация или государство, как они соотносятся друг с другом и т.д.

В сериях статей об ограничениях в бизнесе, опубликованных десять лет назад в Harvard Business Review, одна из статей просто называлась «Кросс-культурная трясина». В другом издании Фрост сравнил конфликт культур с землетрясением. «Точно так же, как участки земной коры, существующие по отдельности, никак не влияют друг на друга, пока они, столкнувшись, не приведут к землетрясению, представители различных культурных групп могут совместно трудиться в полной гармонии, пока не случатся стычки, заметьте – такое столкновение может существенно сказаться на работе организации» [4, с. 367].

Столь же патетичны и американские авторы (H.N. Seelye and A. Seelye-1ames, 1995): «Культурно обусловленные разногласия возникают, когда представители различных культур вступают в контакт. Иногда непонимание наступает еще до попытки представиться, когда вы еще даже рта не успели открыть. Столкновение на почве

различия культур может вызвать вселенскую усталость или даже шок или депрессию… Каковы жалкие симптомы культурного шока? Насколько он заразен? Смертелен ли он?». Мнение о том, что «культура» может разрушить международный бизнес, конечно, не ново. Неожиданно и тревожно заявление авторов вроде упомянутых выше американцев, пишущих о конфликте культур с таким патологическим неистовством [5, с. 17].

Тем не менее в этих предостережениях есть доля истины. Проблема заключается лишь в недопустимом ее преувеличении. Если правильно не работать с культурными различиями, это может привести к недопустимым проблемам в социуме.

Поднимая проблему глобализации взаимодействия этноса и культуры в условиях полиэтничности, мы стараемся подчеркнуть, что эта идея отнюдь не равнозначна попытке уподобить людей механизмам, автоматам, все действия которых заранее запрограммированы не ими выбранными и не зависящими от их воли потребностями. «Предписанность» последних отнюдь не лишает людей присущей им «воли свободы», которая проявляется в способности «ранжировать» свои потребности в соответствии со сложившейся шкалой ценностных предпочтений.

Тем более нелепыми оказываются поиски объективной потребностной иерархии, в которой деление на «главные» и «неглавные», «первичные» и «вторичные», «определяющие» и «определяемые» потребности дано независимо от желаний и предпочтений людей. О какой объективной иерархии может идти речь, если каждый человек субстанционально свободен в выборе своих жизненных приоритетов, способен сознательно выстраивать образ своей жизни?

И все же подобные суждения не отменяют идею устойчивых, объективных зависимостей в системе человеческих потребностей. Ее выручает тот факт, что объектом ее приложения является не только индивидуальное, а коллективное поведение людей. Это обстоятельство позволяет нам выявить объективную связь между потребностями как некоего статистического закона, но и социокультурные факторы, которые могут вполне описывать массовые проявления.

Ни один из жизненных выборов человека не может рассматриваться как гносеологически истинный или ложный. Но это не означает, что такие выборы не могут рассматриваться как целесообразные относительно задач сохранения и развития общества как организационной формы совместной деятельности людей.

Чтобы лучше выявить понимание взаимосвязи глобализации этического сознания, все увеличивающейся роли потребностей человека и их фундаментальных основ в становлении современного профессионализма, необходимо рассмотреть различия между пониманием и установившимся порядком, шаблоном.

Шаблон – бог любой социальной системы; это седьмое небо бизнеса, существенное условие успешной работы любого производственного предприятия, идеал каждого государственного чиновника. Социальная машина должна работать как часы. Если шаблон совершенен, понимание оказывается излишним, если не считать кратковременных усилий ума, без которых вряд ли можно обойтись в необычных ситуациях, таких как засуха или эпидемия гриппа. Сама работающая система есть продукт разума. Но когда устанавливается адекватный шаблонный порядок, разуму больше делать нечего, а действие системы поддерживается совокупностью условных рефлексов. От человека в таких случаях требуется только достаточная восприимчивость к обучению. Немудрено понять, что общественная жизнь основана на шаблоне. Общество требует стабильности, само предвидение опирается на стабильность, а стабильность – продукт шаблона.

Проблема заключается в том, что для современных социальных систем характерно нестабильное развитие, соответственно мы должны готовить человека к встрече с новыми условиями его существования. Но нельзя подготовиться к тому, чего не знаешь. Нам нужно такое понимание нынешних обстоятельств, которое позволило бы нам как-то освоить и те новшества, которые способны оказать определенное влияние на ближайшее будущее. Но в таком случае нас уже не может удовлетворить доктрина, согласно которой общество живет по шаблону, отказ от которого грозит ему гибельными последствиями. Мы должны понять причину шаблонного общественного бытия, причины, коренящиеся в человеческой природе, и в то же время мы должны правильно оценить все новое, что уже оказывает влияние на результаты общественной деятельности, в сравнении с привычными шаблонами. Таким образом, мы сможем предвидеть, что в ближайшем будущем останется неизменным, а что изменится.

Деловой Дух прежде всего должен обладать достаточной силой, позволяющей подчинить деловую сторону жизни определенным шаблонам, но в то же время – контролировать действие этих шаблонов, при необходимости создавать их заново, понимать их внутреннюю структуру и внешние цели. Эта сила обеспечивает любой успех. Но здесь нельзя обойтись без этического осмысления сложнейшего потока, несущего все разнообразие человеческих обществ; например, это осмысление должно относиться к многоразличным потребностям, включая и серьезные цели, и легкомысленные развлечения. Крайне важно развить инстинкт понимания определяющих черт текущих социальных явлений.

Таким образом, в качестве субстрата культуры в условиях полиэтничности может выступать не только социум или этнос в целом, но и отдельные организации (деловая культура) и профессиональные сообщества (профессиональная культура) и т.д. Такие уровни существования культуры не отрицают факта преемственности общекультурных ценностей, хотя и модернизируют их в определенной степени. Циклы депрессий производства, сотрясающие мир, служат нам предупреждением о том, что деловые отношения во все большей мере поражены болезнью недальновидности. Нам не следует впадать в ошибку, отделяя в анализе деловой мир от всего человеческого сообщества. Мир бизнеса – только основная часть этого сообщества, которое и подлежит нашему анализу. Поведение всего сообщества находится под определяющим влиянием делового духа. Великое сообщество – это такое сообщество, в котором его деловые люди понимают высокое назначение своей деятельности. Низкое поведение следует за низкими мыслями; после недолгого разгула вседозволенности низкое поведение приводит к падению уровня жизни. Возвышенность сообщества как качественной стороны является первым условием процветания, жизнеспособности, постоянного и

SUBSTRATUM OF CULTURE AS THE FACTOR OF DYNAMIC TRANSFORMATIONS IN CONDITIONS POLYETHNIC SOCIETY

I.V. Komadorova

The purpose of the article of clause is revealing features of cultural development of a polyethnic society. In modern conditions the disputed potential both inside separate societies, and between various peoples, the countries, cultures, faiths amplifies the conflict as a substratum of culture in conditions polyethnic society, the author of article allocates not only society or ethnos as a whole, but also the separate organizations (business culture) and professional communities (professional culture).

The considered problem is complex and inconsistent. But revealing of features of cultural development in conditions polyethnic society can help to predict Cultural dynamics.

преобладающего доверия.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Введение в геополитику: Учеб. для студентов вузов. М.: Логос, 1998. 415 с.
2. Сломский В. Глобализация как этическая проблема философии. Рига.: БМА, 2006.
3. Hall W. Managing cultures; Making strategic relationships work. Chichester, UK; John Wiley and Sons. 1995.
4. Frost A.R. Negotiating culture in a global environment. Journal of management communication 4 (4). 2000.
5. Холден Найджел Дж. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
6. Комадорова И.В. Культура как социальный феномен в символической антропологии Л.А. Уайта. М.: Издательство МГУ, 2001.
7. Комадорова И.В. Американская культурная антропология о факторах социокультурной динамики. М.: Academia, 2005. 294 с.